

Книжная Вселенная

Содружество библиотек Северо-Кавказского федерального округа.

→ **чингуыты дун-дуне • китаб дуняя**
• тхылъ дуней • книжкай дуне • тхылъым идунай
• китапны дуняясы • китап дунья • ктабрин дунья
• луттирдал дуняял • жузе дунья

Газета издаётся с мая 2008 года как печатный орган Национальной научной библиотеки РСО-Алания

Личность

Альбина Цориева

зав. музеем ННБ

Духовность лежит в национальных традициях народа, и чтобы её воскресить, надо вернуть уважение к собственной истории, научить народ понимать и ценить свою культуру.
Д.С. Лихачёв

О таких людях говорят в народе: они – посланники из других миров, чтобы зажечь огонь знаний и правды на земле, но жизнь их коротка. Они оставляют после себя яркий, незабываемый след познаний и совершенствования миропорядка во всех областях человеческого существования. Такой рано погасшей звездой был Вилен Савельевич Уарзиати – учёный-этнолог, автор более 100 научных публикаций, в т.ч. трёх монографий, освещающих различные стороны материальной и духовной культуры осетин, исторические связи с народами Кавказа.

Вилен Уарзиати родился в 1952 г. в г. Дзауджикау (Владикавказ). В 1975 г. с отличием окончил исторический факультет (специализация «этнография») СОГУ им. К.Л. Хетагурова,

в 1978 г. – аспирантуру Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР (сектор народов Кавказа, науч. рук. Б.А. Калоев), защитил кандидатскую диссертацию на тему «Новое и традиционное в материальной культуре осетин». С 1979 по 1989 гг. – научный сотрудник отдела археологии и этнографии СОНИИ (ныне СОИГСИ им. В.И. Абаева). С 1989 г. – доцент, а с 1992 г. – профессор кафедры Российской истории и кавказоведения СОГУ, участник международных и всесоюзных конференций и сессий этнологов.

В 1993 г. был членом научной экспедиции «Аланская дорога» в страны Западной Европы.

В 1995 г. ему была присуждена стипендия Российской Академии наук, прислано приглашение на работу в Оксфорд...

Он был настоящим учёным, доходил до самых глубин изучаемого вопроса, делая на первый взгляд это «легко» и быстро. Вот один эпизод, который описывал Л. Дзугаев – директор Центра этнополитического исследований Северо-Осетинского фонда «Реформа» в статье «Политическое лидерство и судьба народа» [приложение к журналу «Дарьял». Осетия, 20 век, вып. №2, стр. 34]: «...Осенью 1991 года Сергей Петрович Таболов – директор Северо-Осетинского института гуманитарных исследований – просит зайти к нему Вилену Савельевичу Уарзиати и говорит ему, что нам нужна книга об осетинских традициях, что фоне растущего интереса к своим этнокультурным корням очень много различного рода спеку-

Вспоминая Вилену Уарзиати (1952-1995)

ляций, и им нужно противопоставить серьёзное исследование, и Вилен, будучи сам человеком дела и блестящим этнологом, за три месяца (!) пишет замечательное исследование «Праздничный мир осетин». В этом же номере Елизавета Кочиева в статье «Счастье отречения» пишет: «...Для Вилены Уарзиати понятие «жизнь» означало «плодотворное существова-

ние» – нелёгкий и радостный труд, самодержавный поиск истины и неустанное творческое созидание. Природа человека действительно божественна. Потому и не являются материальные блага достаточным условием для счастья, достижения которого возможно только в духе, а значит под силу лишь высоким сердцам, с лёгкостью отрекающимся от них.

Вилен Савельевич Уарзиати – благородный одинокий рыцарь, мужественно переносивший все невзгоды ради светлой цели своего пути: духовного возрождения своего народа, возрождения его богатой древней культуры. Научные выводы учёного помогают осетинскому народу не только разобраться в оставленных предками духовных знаниях, но и воссоздать эти знания на новой культурно-исторической почве. Зная свою судьбу, Уарзиати сорвался «схватить в буквы» постигнутую им истину, чтобы её развеял ветер и она жила и работала на благо людям. «Праздничный мир осетин» – книга, которая даёт полное представление о содержании каждого из осетинских народных празднеств и причинах, которые вывалили их к жизни. День проведения выбирается далеко не произвольно – в книге зафиксированы точные способы определения его...».

Чтобы написать такие фундаментальные труды, ему приходилось часто приходить заниматься в нашу библиотеку, тогда ещё Республиканскую научную библиотеку им. С.М. Кирова, он подолгу засиживался над книгами. Видя, как он серьёзно работает, даже не позволяя себе уходить на перерыв, наши сотрудники всячески старались помогать ему в поиске нужной литературы. В дальнейшем он стал тесно общаться, дружить с отдельными работниками. Хотя по натуре он был «закрытым» человеком, его острый и точный язык припечатывал отдельных представителей окольного персонала такие прозвища, которые надолго остава-

лись за ними. За это его и боялись, а иногда и не любили.

Вот что говорят о нём наши сотрудники: «...Сегодня, вспоминая Вилену, с грустью отмечаешь, что если бы он пожил ещё немного, как много он мог бы ещё сделать для науки. Как настоящий мужчина, он никогда не давал повода заподозрить, что был так серьёзно болен. Мы вместе отмечали праздники, чаёвничали в отделе искусств. Он неназойливо давал советы, что нам стоит почитать и посмотреть в кинотеатрах и театрах. Несомненно, его безупречный вкус и глубокие знания во всём давали нам стимул посещать эти очаги культуры. Мы обогащали наши знания. В 2002 г. заведомо искусств ННБ Л. Хмельёва подготовила к юбилею В. Уарзиати указатель литературы «Уарзиати Вилен Савельевич». От себя отмечу, что, имея такого читателя в библиотеке, ты невольно и сама учишься, познаёшь новое, а значит, приносишь пользу людям своей профессией.

К большому сожалению, всё меньше приходят к нам такие читатели.

Возвращаясь к статье Е. Кочиевой, хочу привести из неё знаковые строки: «...Сознание ответственности побуждало Уарзиати подготовить также специальные научные справки – «О национальной политике в РСО-Алания»; «О природном и культурном наследии в РСО»; «О средневековом гербе алан-осетин»; «О праздниках Хетагеджи бон и Джергуыба».

Такую же ответственность по отношению к выдающейся личности должно испытывать и наше общество. В противном случае открытия её остаются невостребованными, на долгие годы задерживая культурное развитие народа в целом».

Мы не забудем тебя, Вилен!

Шолоховский талант – народность (к 110-летию со дня рождения М.А. Шолохова)

Творчество

Альбина Цориева

Заслуженный работник культуры РСО-А

«...Завидую я современной молодёжи – какая жизнь впереди! А жизнь, словно студёная донская вода: сколько ни пей в знойный летний день, никогда не утолишь жажду».
М.А. Шолохов

В Год литературы наша страна отметит юбилей Михаила Александровича Шолохова.

Он родился 24 мая 1905 г. на хуторе Кружкилин станицы Вёшенской (ныне Шолоховская) Ростовской области. М.А. Шолохов в одном из интервью корреспондентам Гостелерадио СССР рассказал о себе, своём творческом пути. «...Родовые корни мои далеко от Дона – на Рязанищине. Мой отец – выходец Рязанской губернии. В поисках лучшей доли переселился на Дон. Здесь он сеял хлеб на арендованной земле, был приказчиком, управляющим паровой мельницей. Мать моя – украинка. Она сама научилась грамоте, чтобы переписываться со мной, когда я учился в Воронеже. Учёбу мою прервали революция 1917 г. и Гражданская война. Окончив четыре класса гимназии, я в 1918 г. вступил в Красную армию. Служил в отряде тылового обеспечения, а затем стал пулемётчиком, участвовал в боях на Дону. В 1922 г., когда большевики взяли власть в свои руки, я приехал в Москву. Здесь участвовал в работе ли-

тературной группы «Молодая гвардия». В 1932 г. в газете «Юношеская правда» были напечатаны мои фельетоны и первые рассказы. По семейным обстоятельствам в 1927 г. я возвратился в Вёшенскую, где и живу по сей день.

Меня увлекла литература, события большого исторического масштаба на Дону. Я был рад, когда вскоре в Москве вышел мой сборник о Гражданской войне «Донские рассказы». Но меня больше захватывала тема, связанная с позицией казачества в годы Первой мировой и Гражданской войн. С 1926 по 1940 год я усиленно работал над романом «Тихий Дон». Критики 30-х годов отнеслись к моему роману довольно сдержанно. Книга явно не «вписывалась» в события того времени, она, считали критики, тяготела к антибольшевистскому произведению.

В письме на моё имя И.В. Сталин писал, что «он не согласен с трактовкой в романе «Тихий Дон» образов коммунистов». Однако ряд известных деятелей культуры и сам А.М. Горький поддержали меня. Затем я прервал работу над «Тихим Доном» и принялся за другой роман – «Поднятая целина» – о принудительной коллективизации на Дону. Этот роман вновь был встречен «в штыки», но в дело вмешался Сталин. По телефону он мне сказал: «Отдельные члены партии видят в вас чуть ли не врага народа, а товарищ Берия настойчиво рекомендовал «упрятать» Шолохова на Соловецкие острова». Я считаю, что в таком большом деле, как коллективизация, сделаны перегибы. Но «Поднятая целина» затрагивает огромный пласт человеческих судеб, роман нужно печатать, а Берия я скажу, что бы он отстал от вас».

...Когда началась Великая Отечественная война, я сразу написал заявление в Наркомат обороны и Союз писателей, чтобы меня направили в действующую армию. Во время войны я был военным корреспондентом, опубликовал в печати очерки «На Дону», «На юге», «На дежда», рассказ «Наука ненависти». В газетах «Правда» и «Красная Звезда» бы-

ли опубликованы главы из романа «Они сражались за Родину», печатался рассказ «Судьба человека». После войны меня избрали членом правления Союза писателей СССР, членом Всемирного Совета мира, почётным доктором филологических наук Ростовского университета. Я был удостоен Ленинской и Государственных премий СССР, награждён орденами и медалями, дважды Герой Социалистического Труда, был делегатом нескольких съездов КПСС. В 1965 г. получил Нобелевскую премию по литературе. Но вот перед вами весь мой жизненный путь...» – сказал М.А. Шолохов журналистам. Среди корреспондентов был и наш земляк Валерий Шанаев, заслуженный работник культуры РФ и РСО-А.

М.А. Шолохов никогда не бывал в нашей республике, но прекрасно знал наших выдающихся писателей, полководцев, деятелей культуры.

Так, на 80-летию Коста, отмеченном в 1939 г., слово Михаила Шолохова прозвучало весомо, крупно, масштабно. По-шолоховски.

Спустя много лет осетинские писатели в адрес своего V съезда получили шолоховскую телеграмму с пожеланиями успехов в труде. В свою очередь, писатели Северной Осетии сердечно поздравили

М. Шолохова с семидесятилетием со дня рождения и полувекowym юбилеем служения родной литературе.

В Северной Осетии прошли шолоховские дни. Нашей писательской делегации (в неё входили Максим Цагараев, Михаил Цирихов, Сергей Марзойты) посчастливилось участвовать и в торжествах в Ростове-на-Дону, посвящённых 60-летию Михаила Шолохова. Вот как вспоминает о том событии писатель С. Марзойты: «Помнится, пригласили его по душе осетинская чаша для пива – наш подарок. Ручной работы, не шлифованная и не крашенная, с замысловатой резьбой национального орнамента... Как-то уж очень бережно, с любовью он принял чашу и провёл по рисунку пальца-

ко, незаметно повернулся к двери, откуда Исса Александрович должен был появиться. И ничего больше. А мы знали о сердечной близости прославленных людей – писателя и героя войны»...

М. Шолохов хорошо знал творчество писателя Хаджи-Мурата Мутега. Он говорил, что «о нём самом надо писать книги. Он большой писатель. То, о чём он пишет, видел, испытал лично, а таланта ему не занимать». Высоко ценил произведения Езетхан Уруймаговой. Он говорил: «Она горьковской школы литератор. Это очень трудно, почти невозможно, чтобы горянка так умно решала исторические, эстетические проблемы века. Это мужество... Роман «Осетины» – реалистичен, я бы сказал, смел и дерзок – наука для всей горской поэмы».

М.А. Шолохов был хорошо знаком, долгие годы дружил с Михаилом Николаевичем Тутановым – цирковым наездником, руководителем конной труппы, режиссёром, народным артистом России. Когда в 1927 г. он создавал свой конный аттракцион Донского казачьего ансамбля, М. Шолохов всячески оказывал ему помощь.

В дни Великой Отечественной войны все артисты его труппы во главе с Тутановым добровольно ушли на фронт, сражались с врагом под командованием генерала Плиева. А после Победы над врагом Михаил Николаевич часто приезжал к своему другу в Вёшенскую. В жизни М.А. Шолохова были и неприятные моменты, когда в 70-годы А. Солженицын, тоже Нобелевский лауреат, обвинил его в присвоении произве-

дений другого писателя – казака Фёдора Крюкова, умершего в 1921 г. Однако М. Шолохов на все эти обвинения отвечал: «...Пусть все эти домыслы останутся на совести тех, кому не нравится моё творчество. Я дорожу мнением моих читателей, моих земляков. Они знают, где правда, а где ложь. История расставит по своим местам...».

2 февраля 1984 г. М.А. Шолохов ушёл из жизни.

В 1985 г. была проведена научная конференция шолоховедов, организованная Северо-Кавказским научным центром высшей школы, Ростовским государственным университетом им. М.А. Суслова и государственным музеем-заповедником М.А. Шолохова. На конференцию съехались учёные с берегов Балтики, из Якутии, Москвы и с юга России. От Северной Осетии с докладом о некоторых особенностях словотворчества Шолохова выступил профессор Северо-Осетинского университета Яшенцев. Особое внимание было уделено музею в Вёшенской. Участники конференции выразили пожелание, чтобы музей стал научным центром шолоховедов.

Шолоховский талант – писать о своём народе, героической истории поколений, мудрости и твёрдости духа, высокой нравственности... М.А. Шолохов очень нужен сегодня нашему народу писатель. Его произведения были изданы на 88 языках земного шара, общим тиражом 108 млн экз. На осетинский язык переводами занимались Е. Кесаев, В. Галгоев, Г. Дзидтиати и др.

...Есть люди, которые, кажется, живут для того, чтобы не заметно и щедро отдавать себя другим; чаще всего они производят впечатление свечи, которая светит, но жизнь её predetermined размером фитиля и количеством воска. Эти люди обладают твёрдостью духа и мужеством, они многое знают, непреклонны в своих убеждениях, терпеливы и обходительны, но в то же время жёстки, когда нужно выносить приговоры... Такой была журналистка, поэтесса Ольга Берггольц.

А. Павловский, автор книги о Берггольц («Стих и сердце»), верно говорит о её даровании, а в более поздней статье «Звёздный час» он пишет: «Человек и время должны стать ровень друг другу. Только тогда медленные стрелки на циферблате Истории указывают людям их звёздный час. Звёздный час в поэзии Ольги Берггольц – блокада». Талант Берггольц в полной мере раскрылся во время Великой Отечественной войны.

Она говорила: «В моих произведениях с юности ничего не было недостоверного, не взятого из жизни». Чем доверительнее становилась интонация в военных стихах Берггольц, чем смелее она говорила не от широко распространённого «мы», а от собственного «я», тем больше возрастала сила воздействия. Её стихи – это обращение сестры, жены, матери. Сегодняшнему читателю может показаться, что они начинаются несколько однообразно: «Я говорю, держа на сердце руку...», «Я буду сегодня с тобой говорить, товарищ и друг ленинградец...», «Я говорю с тобой под свист снарядов...». Каждый раз она как будто бы адресовалась к конкретному человеку, а устанавливала связи со многими.

Чем больше сгушалась опасность, нависшая над городом, тем крепче становилась связь с читателем Берггольц. Никог-

да раньше она не чувствовала свою необходимость своего труда как в дни блокады. Ежедневно она выступала по радио, в молодёжной газете «Смена» её стихи появлялись чаще, чем чьи-либо другие.

Гитлер знал историю мировых войн и был уверен, что 4-миллионный город, лишившийся продовольствия, стиснутый клещами блокады и голода, должен, по его выражению, выжрать сам себя. А Ленинград не дрогнул. Дети встали у станков заводов и фабрик. В создании высокого нравственного климата в городе огромную роль принадлежит ленинградским литераторам и, конечно, Берггольц. Поэзия пришла в солдатский окоп, тесный отсек боевого корабля. «Жди меня» К. Симонова, «Землянка» А. Суркова, «Я убил под Ржевом» А. Твардовского, «Жалость» А. Недогонова, «Соловьи» М. Ду-

улиах, ни танцев на Дворцовой площади мы не ждём в этот вечер. Мы ждём – верней, мы жаждем лишь одного – тишины... Но никогда ещё Ленинград не встречал своей великой даты так торжественно, как в этом году, когда нет ни знамён, ни песен, ни шествий... Вы спрашиваете нас, как мы живём. Мы живём, радуясь тому, что мы свободны, что мы отстаиваем нашу свободу, что мы отстоим её. Мы живём особой и главной мыслью: не отдавать Ленинград!».

Радио в осаждённом городе было самым массовым средством общения. Сама Ольга Фёдоровна выступала перед микрофоном с сентября 1941 г. Её передачи отмечались огромным внутренним накалом. Это была и публицистика, и поэзия, и одновременно размышление вслух. Наконец, её беседы вызывали такой поток писем, что писательнице приходилось порой превращать свои выступления в ответы на вопросы...

В числе самых дорогих документов блокадной поры Ольга Фёдоровна хранила «Пропуск №23637 на право прохода и проезда в город Ленинград». Пропуск выдан в ноябре 1941 г., когда слово «проезд» утратило своё значение. Троллейбусы, как мамонты, вмерзли в снег. Трамваи не ходили. Автомобили стояли на приколе, не было бензина. Оставалось одно средство передвижения – собственные ноги. Берггольц бывала на заводах, на переднем крае обороны, у моряков Балтики. Это были походы за материалом и одновременно встречи с людьми, чтобы дать надежду другим. Декабрьские дни оказались для ленинградцев самыми тяжкими. Голод, люди были измотаны бесконечными обстрелами и бомбёжками. Умирали родные и близкие люди. В эти дни она написала стихотворение «Разговор с соседкой»:

*Для того, чтоб жить в кольце блокады,
Ежедневно смертный слушаешь свист, –
Сколько силы нам, соседка надо,
Сколько ненависти и любви...*

*Столько, что минутами в смятенье
Ты сама себя не узнаёшь:
Вывнесешь. Допершишь. Доживёшь.*

Когда Берггольц писала эти стихи, медленно умирал её муж – Николай Молчанов. 22 января 1942 г. он умер. Похоронила она и дочь – Иричку. Свою военную книгу стихов Берггольц назвала «Ленинградский дневник». Книга построена как дневник. Поэзия того времени говорила народу правду. В этом причина доверия к ней. Ни перед другими, ни перед собой Берггольц не скрывала ничего. Об этом свидетельствуют записи о прожитом и пережитом.

24 сентября 1941 г. она записывает в дневнике: «Третьего дня бомба упала на

издательство «Советский писатель» в гостиной. Почти всех убило. Убило Таню Гуревич, – я её очень давно знаю, она была славная, приветливая женщина...». В тот же день в 3 часа ночи она продолжала начатую запись: «Зашла к Ахматовой, она живёт у дворника (убитого артснарядом на ул. Желязова) в подвале, вонючем таком. На краю, затнута в платок с ввалившимися глазами Анна Ахматова, муза плача, гордость русской поэзии – неповторимый, большой, сияющий Поэт. Она почти голодает, больная, испуганная...».

Ранней весной 1942 г. сестра Ольги Берггольц Мария, жившая в Москве, на грузовой машине, выделенной Союзом писателей и нагруженной продуктами и медикаментами для ленинградских литераторов, переправилась через Ладогу. Сестра ужаснулась видом Ольги: та совсем опухла от голода. Было принято решение хоть на самое короткое время вывезти Ольгу Фёдоровну в Москву. Она согласилась и взяла с собой своё первое за время войны крупное произведение «Февральский дневник».

В дневнике 22 февраля 1942 г. Берггольц записала: «Я написала всё – таки большую стихотворную вещь, нечто вроде лирической поэмы «Февральский дневник». Не все строфы достигли нужной сердцу прозрачности и веса... но могу сказать прямо – большинство строф прекрасны, больны и живы, как сама жизнь». «Февральский дневник» был написан в самую трудную пору осады в феврале 1942 г., написан на одном дыхании. Эта поэма – проникновенный лирический монолог.

По приезду в Москву рассказы Ольги Фёдоровны раскрыли многим глаза на подвиг Ленинграда, и первым порывом её и её друзей была как-то помочь ленинградским писателям и радиокомитетчикам лекарствами и продовольствием. Она собирала по разным складам лекар-

ства, продукты питания, собиралась в обратный путь в Ленинград, но кто-то сказал, что Д. Шостакович написал две части своей симфонии и вскоре исполнит всё сочинение и назовёт «Седьмой симфонией», посвящённой Ленинграду.

Стоит напомнить такие факты: к середине января 1942-го ленинградские композиторы, из которых многие так и не дожили до весны, написали свыше четырёхсот новых песен и маршей. Ленинградские художники организовали две выставки своих работ зимой и летом того же года 1942 г. Фронтовой ленинградский театр «Агитзвод» под руководством Б. Бродянского выехал весной на фронт со своим тысячным спектаклем. В блокадном Ленинграде продолжались концерты. Оркестр под управлением К.И. Элиасберга исполнял симфонии Бетховена, Чайковского. В зале температура была ниже нуля. Музыканты выступали в ватниках. В осаждённом Ленинграде работали художники Бабышев, Пахомов, писатели Ахматова, Инбер, Тихонов и др.

Вернувшись в Ленинград, Берггольц рассказала о 7-й симфонии товарищам. Тут же возникла идея исполнить её в Ленинграде и непременно. Единственный симфонический оркестр, оставшийся в Ленинграде, оркестр радио, убавился наполовину: люди вымерли от голода. Музыкантов искали по частям фронта. Идея была осуществлена. 15 января 1944 г. в 9 часов 45 минут утра началось наступление, а 28 января 1944 г. вечером дали салют по поводу полной ликвидации блокады.

Творческое созревание Берггольц происходило в дни войны быстро, от месяца к месяцу. Свой первый поэтический сборник военных лет поэтесса хотела назвать «Говорит Ленинград». Она говорила за целый город, за всех его граждан: «...Присагаю ленинградским рабам, первым разорённым очагам: не сломясь, не дрогну, не устану, ни крупницы не прощу врагам... («Сестре»). В апреле 1944 г. Берггольц написала поэму «Памяти защитников». Она говорила, что написала по просьбе ленинградской девушки Нины Нониной о её брате, 20-летнем гвардейце Владимире Нонине, павшем смертью храбрых в январе 1944 г. под Ленинградом. Девушка пришла к поэтессе в тот вечер, «когда как раз два года исполнилось со дня жестокой гибели твоей», – пишет Берггольц об умершем муже. Поразительное сходство с ним увидела Берггольц в фотографии погибшего: «...Я безмолвно ахнула: с портрета глядела на меня твои глаза...».

Через 15 лет после окончания войны, 9 мая 1960 г., на окраине Ленинграда, в Пискаревке, было открыто мемориальное братское кладбище. Здесь зажёг вечный огонь, высоко в небо уходит скульптура Матери-Родины, а за ней – стометровая гранитная стена. И каждый, кто приходит сюда, читает высеченные на ней скорбно-торжественные строки:

«Здесь лежат ленинградцы. Здесь горожане – мужчины, женщины, дети.

Рядом с ними солдаты-красноармейцы...
Всей жизнью своею они защищали тебя, Ленинград, Колыбель революции. Их имён благородных мы здесь перечислить не можем: Так их много под вечной охраной гранита. Но знай, внимающий этим камням, Никто не забыт и ничто не забыто».

Последние годы Ольга Фёдоровна часто болела – сдало сердце. Большой друг Ольги Берггольц Д.Т. Хренков вспоминал о последних днях её жизни. «...Она лежала в клинике, накануне вечером я забежал к ней, принёс авторские экземпляры её книг. Выбрав один, она, как обычно, написала».

А через час она умерла. Д. Хренков в своей книге о О. Берггольц «От сердца к сердцу» книгу завершил словами, которыми Берггольц завершила одну из своих публицистических статей:

«... Я хочу проспать с ощущением, что за окном – огромный, дружный, работающий мир. Мир, где нет ничейной земли ни между союзниками, ни между противниками. Нет ничейной земли, но есть земля цветов и злаков, земля деревьев и зверей, земля труда и любви – человеческая земля... Мне хочется проснуться и подойти к окну, открытому и в такой мир, и сказать так, чтоб это услышали народы и каждый человек в отдельности: «Доброе утро, люди!». А. Прокофьев говорил: Берггольц заставила звучать в стихах исключительно тему страдания, связанного с бесчисленными страданиями граждан осаждённого города...». Берггольц говорила в своих стихах и поэмах о «самом обыкновенном, рядовом ленинградце». Она говорила, прежде всего о себе, о своей собственной жизни!

В автобиографической книге «Дневные Звёзды» Берггольц рассказывает о том дне войны, когда для неё наступило «возмущение духа, высшее озарение сердца, когда она поднялась над страхом смерти. И когда она писала, обращаясь к Ленинграду: «Нам от тебя теперь не оторваться. Одною необылаю борьбой, одной неповторимой судьбой мы все отмечены, «Мы – Ленинградцы» («Ленинграду»).

Это не были высокие слова оды. Одна судьба, общие утраты и лишения навсегда породнили поэтессу с Ленинградом. В последней поэме «Твой путь» – путь торжествующей любви и путь победы. Она как бы подводит итоги творчеству героических военных лет. Теперь она могла сказать Ленинграду, что «рядовым вошла в судьбу твою, мой город, в звание твоего поэта».

16 мая 2010 г. исполнилось 100 лет Ольге Берггольц и к юбилею поэтессы журналист Игорь Дзантиев в издательстве «АДИИ-Пресс» подготовил книгу «Ольга Берггольц во Владикавказе». На основе документальных материалов рассказано о пребывании молодой выпускницы Ленинградского университета летом 1930 г. в Осетии, где она проходила преддипломную практику в газете «Северная Осетия» (так называлась тогда «Северная Осетия»).

Статью И. Дзантиева «Осетия – особая строка в творческой биографии Ольги Берггольц» вы можете прочитать в газете «Северная Осетия» от 15 мая 2010 г. на с. 5. В фондах Национальной научной библиотеки есть много книг о ней, о её творческом пути.

Добро пожаловать к нам, дорогой читатель!

Одна фамилия. Разные судьбы

● Нам пишут

Асланбек Пагиев

Два человека, сделавших удивительно много доброго для окружавших их друзей, родных и близких и очень далёких, абсолютно незнакомых им людей. Одного убили в расцвете сил прямо возле дома 31 декабря, когда его дети готовились встретить папу радостными криками. Второй, после десятка перенесённых сложнейших операций, простился с жизнью 1 января, лёжа на кровати возле ёлки, которую он распорядился поставить для внуков. Такая вот «Зимняя история»... Люди помнят. И я помню...

Из газетных вырезок. «В среду утром 31 декабря 2008 года во Владикавказе произошло очередное громкое убийство. Бывший мэр города Казбек Пагиев, неделю назад покинувший пост вице-премьера ре-

спублики, был расстрелян неизвестными в служебном автомобиле. Вместе с Пагиевым погиб и его водитель.

Убийство произошло на улице Морских Пехотинцев во Владикавказе. Неизвестные подошли к остановившемуся автомобилю, в котором ехал бывший мэр города Казбек Пагиев, и открыли по автомашине огонь. Находившиеся в машине люди скончались на месте».

Облившись кровью, сердце глухо стонет. Вдохнуть пытаюсь тщетно и бежать От навалившейся и захлестнувшей боли, Сдавившей. Запрещающей дышать.

Мой старший брат! Какой он был весёлым. Он столько людям во время помог. В больших любил городах его и сёлах. Хранитель-Ангел остушился. Не сберёг.

Стою в слезах. В руках букет сирени. Ты предо мной гранитною стеной. Влаблённый в свет, ты не заметил тени, Сгущающейся за твоей спиной.

Убит за то, что оказался лучшим. За то, что предан был Отечеству и людям. Ты благоволил бедным и заблудшим. Твой путь нелёгкий был тернист и труден.

Прощай, Казбек. Не скоро боль растает. Из тяжких вырвусь мысленных оков. Дух скорби над Аллеей вечной славы, И чудный запах умирающих цветов.

17.12.2014 г.

Мой отец, Казбек Харитонович Пагиев, прожил трудную, но славную жизнь. Ребёнок, встречавший с войны с воплями радости израненного, но живого папу. Маленький мальчик, строящий после войны новый дом вместе с отцом. Комсомолец, таскающий на плечах рельсы вместе с друзьями, во благо своей Родины. Солдат, а затем офицер, честно отдающий долг Отчизне.

Парторг района, безвозмездно помогающий приобрести людям дома и квартиры. Пожилым уже мужчиной, вырастившим четырёх детей и не гнушающийся строить дома родным и друзьям своими руками, ничего не требуя взамен. Его помнит старый кинотеатр, где он работал директором, дом культуры, где он был и директором, и актёром теа-

тра. Люди помнят... И мне не забыть.

На століке моем стоіт портрет. Слезамі горькімі родных і близьких вьмок. І кажецца, што шепец «Смерці нет» От времєні увядшій фотоснімок.

Так тяжко без тебя, отец. Болею. Что без тебя я, без твоих железных рук? Как сокрушаюсь об ошибках и жалею. Ушёл из жизни самый близкий друг.

Я так и не успел сказать «Спасибо». И не сказал последнее «Прости». Свежи цветы, но срезаны. Не живы. Им на твоей могиле не цветит.

Я рад. Ты не услышишь стонов сына. Как воет он от боли и хричит. Как тонет в море слёз, тумане дымном Ребёнок твой, родившийся в ночи.

Звездой яркою ты прогорел на небе. Любя родных, друзей, весь белый свет. Делясь с людьми куском последним хлеба. На ослепительный меняя чёрный цвет.

Я нависал над рамкою портретной. Клубами надо мной табачный дым. Забвенья памяти твоей не будет светлой. Ты будешь жить, пока живёт твой сын.

Пусть был не лучше всех, Не Ангел и не Бог, Но жил он на земле, И он любил, как мы.

24.02.2014 г.

В следующем выпуске «Книжной вселенной»:

К 130-летию со дня рождения поэта Сергея Городецкого:

«Душа наде- ла цепи, при- шла в земные степи...»

Редакционная коллегия:

И.А. Хайманова (редактор),
Н. Куличенко,
Т. Пагаева.

Редакционный совет:

И.Н. Корниенко (Адыгея),
Л.Б. Мальсагова (Ингушетия),
И.Г. Бибоева (РСО-Алания),
В. Кокоева (РЮО),
З.Ф. Долина (Ставрополь).

«Книжная вселенная» является приложением к межрегиональной газете «Терские ведомости».

Издатель –
ООО ИД «Терские ведомости».

Адрес редакции: 302003,
г. Владикавказ, ул. Коева, 43.
8 (8672) 25-32-31; 25-12-44,
8-928-484-61-21.
E-mail: bookdune@mail.ru.